

изображая свое собственное существование, так как если бы оно происходило вне истории и без цели, как абсолютный эстетический вымысел», то есть — отклонение от жизненной правды вело и к ущемлению реализма. «Широкое и долговременное распространение рыцарского романа оказало большое влияние, и именно в ограничительном смысле, на литературный реализм, еще до того как античная теория различных стилистических планов, стала действенным фактором в том же ограничительном направлении»¹. С неуклонной последовательностью автор применяет тот же критерий и при разборе других литературных явлений: в средневековом христианском искусстве реалистический элемент является «буднично реалистическим», в то время как реализм народного фарса «не выходит за рамки бессодержательного комизма»². На противоположном полюсе реализм Данте, оцениваемый как «изумительное явление», это по существу иной реализм, потому что здесь «сходство» чрезвычайно расширено: «подражание действительности означает подражание чувственному опыту, той земной жизни, которая насчитывает среди своих обозначающих примет и такие существенные данные как историчность, преобразование и развитие; как не велика была бы свобода, которой обладает в своем творчестве подражающий поэт, он не может изъять из действительности этого качества, являющегося его сущной сущностью»³.

Таким образом, как-то незаметно, первое понимание (реализм = изображению действительности) сливается воедино со вторым, при котором реализм совпадает с назначением искусства выявлять и распространять существенные истины о человеческой жизни. В сущности, к этому сводится и главный аргумент сторонников безграничного реализма. «Нет нереалистического искусства, утверждает Рожэ Гароди, то есть такого, который не соотносился бы с действительностью существующей вне человека и независимо от него». Применительно к Кафке, например, его творчество может быть включено в реализм, постольку, поскольку оно очень верно отражает трагедию человека буржуазного мира, который, из-за специфических отношений, образующихся здесь между индивидуумом и окружающей его общественной средой, теряет всякие иллюзии в связи с своим положением. Не подлежит сомнению, что в силу такого критерия любое непреходящее произведение искусства должно считаться реалистическим. Но интересно, что на несколько сходном обосновании включается в социалистический реализм поэзия Маяковского, в то время как для поэзии Пастернака, как мы это видели, ищется место где-то вне этого литературного течения. Но нетрудно заметить, что с точки зрения строго художественно-литературной различие между творчеством Маяковского и Пастернака не в степени «сближения» с жизненной правдой, а скорей в степени совпадения с социалистической идейностью. Не случайно Пастернак писал, что он не мог понять «пропагандистского усердия» Маяковского⁴.

Все же и о поэзии Пастернака никак нельзя было бы сказать, что она не подводит нас к открытию очень важных истин в связи с современным чело-

¹ Ук. ист., стр. 142 — 148.

² Там же, стр. 170 и сл.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Борис Пастернак, *Люди и положения*, «Новый мир», №. 1/1967, стр. 230.